

К. В. Лифанов (Москва)

РОЛЬ «СЛОВАЦКОЙ ГРАММАТИКИ» А. БЕРНОЛАКА В ФОРМИРОВАНИИ НОРМЫ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Кодификация словацкого литературного языка, осуществленная в 1787–1790 гг. А. Бернолаком, уже давно находится в центре внимания лингвистов. Ей посвящены как специальные монографии, тематические сборники, отдельные статьи, так и соответствующие главы в синтетических описаниях истории словацкого литературного языка. При этом, как правило, утверждается, что А. Бернолак не только кодифицировал словацкий литературный язык, но и создал его норму, как об этом пишет, например, И. Котулич: «Что касается самой языковой основы, из которой исходил А. Бернолак при *нормировании* и *кодификации* (курсив наш. — К. Л.) словацкого литературного языка — бернолаковщины, то ей был уже упомянутый культурный западнословацкий язык...»¹ (Kotulič 1992: 81). Исходя из того, что языковая норма не возникает одновременно, а формируется в течение длительного времени,

¹ *Pokiaľ ide o sám jazykový základ, z ktorého vychádzal A. Bernolák pri normovaní a kodifikovaní prvého slovenského spisovného jazyka — bernolákovčiny, tým bola práve spomínaná kultúrna západoslovenčina...*

целью данной статьи мы определяем показ роли кодификации А. Бернолака, а именно его «Словацкой грамматики» (*Grammatica Slavica*) (Bernolák 1790/1964), в процессе формирования нормы словацкого литературного языка, связей кодифицированных элементов с предшествующей нормой и их последующей реализацией на практике в текстах авторов — последователей А. Бернолака.

Для истории формирования нормы словацкого литературного языка чрезвычайно важным является факт, что «Словацкая грамматика» А. Бернолака 1790 г. (Bernolák 1790/1964) занимает уникальное место в истории словацкого литературного языка, так как свидетельствует об изменении способа нормирования текстов. До ее создания в словацкой языковой практике доминировал имплицитный текстологический способ, представлявший собой модель традиционной, прежде всего средневековой культуры. Такой способ нормирования текстов был направлен главным образом на репродукцию текстов и создание новых текстов по существующим образцам. Способ этот был вполне эффективным, поскольку способствовал нормированию существовавшего идиома в целом, а не только его отдельных элементов. Как отмечал Э. Паулини, «процесс словакизации зашел настолько далеко, что в конце первой половины XVIII в. у словацких католиков был уже достаточно строго нормированный национальный литературный язык, который вследствие существенных отклонений от чешского уже нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком. Но чешским его нельзя назвать не только с языковой точки зрения. Важным было то, что ни писавшие на нем, ни другие пользователи чешским его не считали»² (Pauliny 1971: 78). Имплицитное выражение нормы имело место и при индивидуальной попытке упорядочения литературного языка, что проявилось в первом словацком романе «Приключения и испытания юноши Рене» (*René Mládenca Príhodi, a Skusenosti*) Йозефа Игнаца Байзы (Bajza 1783; 1785).

² *Slovakizačný proces šiel ďalej natoľko, že koncom prvej polovice 18. stor. máme u slovenských katolíkov už dosť pevne normalizovaný národný spisovný jazyk, ktorý pre podstatné odchýlky od češtiny už nemožno nazvať iba slovakizovanou češtinou. Ale češtinou ho nemožno nazvať nielen pre jazykovú stránku. Dôležité bolo, že ho ani sami pisatelia a požívatelia za češtinu nepokladali.*

2. Специфика аналитического способа формирования нормы

С течением времени, однако, появляется и иной, аналитический способ нормирования текстов, при котором норма выражается эксплицитно в виде правил и парадигм, содержащихся в едином тексте, называемом нормативной грамматикой. Первоначально этот способ появляется в среде словацких протестантов. Так, еще в 1696 г. Т. Маснициус в своем труде «Сведения о словацком письме, как следует хорошо писать, читать и печатать» (*Zpráva pjsma slowenského, gak se ma dobře psati, čísti, y tisknauti*) описывает литературный язык, функционировавший в то время в словацкой письменности (Masnicius 1696). Будучи евангеликом, Т. Маснициус считал идеалом язык чешской «Кралицкой Библии» (*Bible kralická*) 1579 г., признанный в 1610 и 1640 гг. официальным и литургическим языком словацкой евангелической церкви (Chomová 2016: 30). Т. Маснициус тем не менее осознает, что в Словакии в действительности функционирует чешский язык, отличный как от языка «Кралицкой библии», так и от чешского языка в Чехии, что он и отражает в своем труде.

Системное описание литературного языка, используемого евангеликами, представлено в «Словацко-чешской грамматике» (*Grammatica slavico-bohemica*) П. Долежала (Doleschalius 1746), что является основанием для Л. Дюровича считать ее первой кодификацией словацкого литературного языка (Ďurovič 2000). Данная грамматика имеет очевидный нормативный характер, так как содержит критические рекомендации автора употреблять одни формы или избегать употребления других. Как правило, однако, автор, следуя логике Т. Маснициуса, не рекомендует употреблять генетически словацкие формы. Таким образом, оба названных автора направляют свои усилия на то, чтобы регламентировать языковую практику словацких евангеликов, использовавших на письме идиом, который можно было бы назвать словацкой версией чешского литературного языка.

Попытки нормировать письменный язык предпринимались также католиками. В частности, «Латинско-словацкий словарь» (*Syllabus dictionarij latino-slavonicus*) 1763 г., получивший

в лингвистической литературе наименование «Словарь Гадбавного» (*Hadbavného slovník*) по имени одного из переводчиков полного текста Библии на словацкий язык («*Swaté Biblia Slowénské*» 1750), содержит пятистраничное орфографическое и грамматическое руководство о том, как следует писать по-словацки. Это руководство, однако, затрагивает лишь отдельные фрагменты орфографической и грамматической систем, поэтому не может претендовать на статус нормативной грамматики.

Первой же нормативной грамматикой словацкого литературного языка является «Словацкая грамматика» А. Бернолака 1790 г. (*Bernolák 1790/1964*), в которой автор обосновал необходимость кодификации словацкого литературного языка, предложил ее принципы, выработал орфографию и научно описал фонетическую и грамматическую системы этого языка. Существенным является вопрос, в какой степени соотносятся современные нормативные грамматики и нормативные грамматики периода славянского Возрождения. В современном понимании нормативная грамматика — это «систематизированное изложение грамматических правил литературного языка: словообразования, морфологии, синтаксиса. В Н. г. (нормативную грамматику. — К. Л.) включаются также основные сведения по фонетике и фонологии, а иногда и по орфоэпии (...) Задача Н. г. (нормативной грамматики. — К. Л.) — служить справочным пособием, отражающим действующие в языке грамматические нормы и научное направляющим языковую деятельность»³ (Шведова 1974: 132).

³ Ср. иное определение нормативной грамматики: «Нормативная грамматика... определяет, как следует использовать язык и какие правила грамматики следует соблюдать. Прескриптивистский взгляд на язык подразумевает различие между “хорошей грамматикой” и “плохой грамматикой”, и его основное внимание уделяется стандартным формам грамматики и синтаксическим конструкциям. Среди носителей практически любого языка прескриптивистский подход к грамматике часто включает в себя множество идей, мнений и суждений о том, как и когда следует использовать грамматические правила» (*A prescriptive grammar... specifies how a language should be used and what grammar rules should be followed. A prescriptivist view of language implies a distinction between “good grammar” and “bad grammar”, and its primary focus*

В отношении же первых кодификаций литературных языков, включая славянские, следует заметить, что они не обязательно соответствуют языковой действительности, поскольку нормы докодификационных идиомов часто характеризовались меньшей строгостью и большей вариативностью, поэтому кодифицированные элементы могут содержать значительный субъективный компонент, отражающий точку зрения и языковые пристрастия автора. К тому же господствующий ранее текстологический способ нормирования текстов продолжал существовать, о чем, в частности, свидетельствует попытка кодификации словацкого литературного языка Й. И. Байзой, предпринятая приблизительно в то же время, что и кодификация А. Бернолака. Сохранялся он и весь период существования бернолаковского литературного языка вплоть до 60-х гг. XIX в. При этом текстологические нормы, существовавшие параллельно с нормами этого языка, вероятно, вступали с ним во взаимодействие. В связи с этим важным представляется проблема характера взаимодействия кодифицированных А. Бернолаком языковых элементов с существовавшими текстологическими нормами. Для ее решения прежде всего следует установить, нормы какого идиома А. Бернолак использовал при кодификации словацкого литературного языка. Исследователи давно отметили значительное сходство кодифицированных элементов с характерными особенностями идиома, сформировавшегося на территории Юго-Западной Словакии и прежде всего в г. Трнава (Habovštiaková 1968: 269). С 1541 по 1820 г. Трнава была католическим центром всего Венгерского королевства⁴, так как в ней в этот период находилось Эстергомское архиепископство. Здесь в 1635 г., был основан первый в Венгерском королевстве университет с собственной типографией, в 1777 г. переведенный в Буду, а в 1784 г. — в Пешт⁵.

is on standard forms of grammar and syntactic constructions. Among native speakers of practically any language, a prescriptivist approach to grammar often encompasses many ideas, opinions, and judgments about how and when grammar rules should be used (Hinkel 2016: 1–2).

⁴ В это время территория, населенная словаками, входила в состав Венгерского королевства.

⁵ Ныне это Будапештский университет имени Лоранда Этвеша.

Кроме того, Трнава была центром рекатолизации, особенно активной и успешной во времена деятельности кардинала Пазманя в первой трети XVII в., причем католики в своей миссионерской практике весьма успешно использовали местные языки. Не удивительно, что именно здесь формируется идиом, который исследователи называли и/или называют иезуитским словацким языком, узусом письменных текстов г. Трнавы, западнословацким культурным языком. Именно этот идиом и видят основой кодификации А. Бернолака.

3. Проблема языковой основы кодификации А. Бернолака

Заметим, однако, что в первой половине XX в. эти вопросы воспринимались не столь однозначно. До середины 60-х гг. XX в. проблема основы кодификации А. Бернолака была в центре внимания лингвистов. Причиной тому было очевидное расхождение между языковым характером кодификации и утверждением самого А. Бернолака, который писал в «Словацкой грамматике» о том, что основой литературного языка должно быть правильное словацкое произношение, и задавался вопросом правильности:

Но какое же словацкое произношение, спрашиваешь ты, является правильным, если в каждом комитате Венгрии, в котором используется словацкий язык, оно другое? — То, говорим мы, которое используется в местах, в наибольшей степени отдаленных от чехов, моравян, поляков и венгров. Те, кто соседствует с чехами и Моравией, что-то заимствуют из их наречия; так же, как почти переходят на польский язык те, кто живет на границе с Польшей; грубее всего, однако, говорят те, кто живет вперемешку с венграми... (Bernolák 1787/1964: 95, 97)⁶.

⁶ *Ale spytuješ sa, ktorá je tá správna výslovnosť, keďže temer v každej župe Uhorska, v ktorej sa používa slovenský jazyk, je rozdielna. — Tá, vravíme, ktorá sa používa na miestach najviac vzdialených od Čechov, Moravanov, Poliakov a Madarov. Tí, ktorí susedia s Čechmi a Moravou, priberajú čosi z tohto nárečia, tak ako temer*

Исходя из того, что к Моравии примыкает Западная Словакия, с польским языком целый ряд особенностей объединяет восточнословацкий диалект, а венгры компактно проживают на юге Словакии, приходим к выводу, что А. Бернолак, говоря о правильном словацком произношении, имел в виду северную Среднюю Словакию. Именно так и воспринимали слова Бернолака исследователи, однако не могли найти объяснения, почему кодификация А. Бернолака имеет преимущественно западнословацкий характер. Между тем ответ на этот вопрос можно найти в самом тексте «Словацкой грамматики». А. Бернолак пишет следующее: «Но и в указанных местах нормой следуют считать не народное произношение, а произношение образованных и ученых мужей, в наименьшей степени радеющих за богемизмы...»⁷ (Bernolák 1790/1964: 97). То есть в эпоху Просвещения, как справедливо отмечает Э. Паулини, А. Бернолак в принципе не мог обратиться к народной речи, т. е. речи поданных (Pauliny 1964: 7), как это сделал Л. Штур. Образованные же люди в это время использовали идиом, который сформировался в трнавском центре и где его классическая форма представляла собой инвариант по отношению к вариантам, функционировавшим в других регионах Словакии. В других его территориальных вариантах допускалось проникновение в его структуру местных диалектных элементов, причем сочетание западнословацких и местных элементов варьировалось от полного отсутствия последних, т. е. текст полностью соответствовал нормам трнавского центра, до его значительной насыщенности местными элементами, которые, однако, полностью не вытесняли элементы западнословацкие. Иными словами, связь с трнавскими текстами обязательно сохранялась (Lifanov 2002), то есть использовавшаяся в них версия данного идиома представляла собой инвариант по отношению к версиям, функционировавшим в других регионах Словакии.

prechodia do poľského tí, ktorí žijú na jeho hraniciach; zo všetkých však najdrsnejšie hovoria tí, ktorí bývajú zmiešaní s Maďarmi...

⁷ *Ale aj na uvedených miestach treba brať za normu nie tak výslovnosť ľudu, ako výslovnosť vzdelaných a učeníých a najmenej horľiacich za bohémizmy...*

4. Генетическая характеристика элементов, кодифицированных А. Бернолаком

Если с этой точки зрения проанализировать кодификацию А. Бернолака, можно прийти к выводу, что ее языковой основой стал северно-среднесловацкий вариант идиома, возникшего первоначально в Трнаве, что наглядно демонстрируют кодифицированные элементы. То есть А. Бернолак действительно взял за основу идиом, центром возникновения которого являлся город Трнава. Вследствие этого в кодификации последовательно представлены такие типичные фонетические особенности этого идиома, как:

1) единственный рефлекс праславянских редуцированных *ъ* и *ь*, которым является гласный *-e-* (*-é-*), тогда как в среднесловацком диалекте рефлексами являются также гласные *-o-* (*-uo-*), *-a-* (*-á-*) и *-ie-*, например: *dobitek* (срсл. ⁸ *dobitok*⁹) 'крупный рогатый скот', *ocet* (срсл. *ocot*) 'уксус', *děšď* (срсл. *dášť*) 'дождь', *chrbet* (срсл. *chrbát*) 'спина', *owca* — род. пад. ед. ч. *owec* (срсл. *ouca* — *oviec*) 'овца — овец;

2) полное отсутствие дифтонгов *uo*, *ia*, *iu*, например: *wól* (срсл. *vuol*) 'вол', *mesác* (срсл. *mesiac*) 'месяц', *cudzá* — вин. ед. ж. р. *cudzu* (срсл. *suzia* — *suziu*) 'чужая — чужую;

3) полное отсутствие слогового *ř*¹⁰, например: *mrtwí* (срсл. *mřt-*vi**) 'мертвый', *krč* (срсл. *křč*) 'судорога', *trpnút* (срсл. *třpnut*) 'цепенеть;

4) отсутствие ритмического закона, например: *žádní* (срсл. *žiad-*ni**) 'никакой', *křídlo* — дат. пад. мн. ч. *křídlám* (срсл. *krielo* — *krielam*) 'крыло', *žadat* — 1-е л. ед. ч. *žadám* (срсл. *žadat* — *žadam*) 'требовать'.

Типичными морфологическими особенностями трнавского идиома, представленными в кодификации А. Бернолака, являются, например:

5) отсутствие продления корневого гласного при образовании форм род. п. мн. ч. существительных ж. и с. р., например: *baba* 'баба' — *bab*, *mucha* 'муха' — *much*, *studňica* 'колодець' — *studňic*, *ruka*

⁸ Сокращение срсл. означает «среднесловацкое».

⁹ При приведении в качестве примеров диалектные слова даются в фонетической транскрипции.

¹⁰ К. Габовштьякова отмечает, что слоговое долгое *ř* отсутствует и в родном верхнеоравском говоре (Habovštiaková 1968: 128).

‘рука’ — *ruk*, ‘тело’ — *telo* — *tel*, ‘дрова’ — *drew*, ‘веретено’ — *wreŕeno*, *wreŕen*, ‘перо’ — *per* (срсл. *báb*, *múch*, *studňíc*, *rúk*, *ŕiel*, *drieu*, *wreŕien*, *pier*);

6) формы косвенных падежей ед. числа прилагательных м. и с. р. с гласным *e* во флексии, например: *pekní* ‘красный’ — род. пад. ед. ч. *pekného*, дат. пад. ед. ч. *peknému*, *cudzí* ‘чужой’ — род. пад. ед. ч. *cudzého*, дат. пад. ед. ч. *cudzému* (срсл. *peknieho* / *pekního*, *pekníemu* / *peknímu*, *cuzieho* / *cuziho*, *cuzieho* / *cuзимu*¹¹);

7) деепричастия прошедшего времени, отсутствующие в говорах словацкого языка, например: *zawolať* ‘позвать’ — ед. ч. *zawolawši* (*zawolaw*) / мн. ч. *zawolawše*, *oplakať* ‘оплакать’ — ед. ч. *oplakawši* (*oplakaw*) / мн. ч. *oplakawše*¹².

Вместе с тем во многих позициях в «Словацкой грамматике» представлены как характерные трнавские элементы, так и периферийные среднесловацкие, причем, как и в периферийном северо-среднесловацком варианте трнавского идиома, основными, как правило, являются элементы, характерные непосредственно для трнавских текстов, тогда как преимущественно среднесловацкие являются всего лишь допустимыми. Об этом А. Бернолак либо говорит в комментариях к парадигмам, либо непосредственно в парадигмах допустимые элементы помещает в скобки. К их числу, например, относятся:

8) формы твор. п. ед. ч. существительных ж. р., имеющие либо основную флексию *-ú*, характерную для письменных трнавских текстов и западнословацкого диалекта, либо допустимую среднесловацкую флексию *-ow*¹³: *owcú* (*owcow*) ‘овцой’, *wibil ma palícú alebo pali-cow* ‘он избил меня палкой’, *pod postelú alebo postelow* ‘под кроватью’;

¹¹ В северных среднесловацких говорах представлены формы с гласным *ie* во флексии, а в южных — с гласным *i*.

¹² Деепричастия прошедшего времени в кодификации А. Бернолака в отличие от русского языка образовывались не только от глаголов совершенного, но и несовершенного вида, например: *wolať* ‘звать’ — ед. ч. *wolawši* (*wolaw*) / мн. ч. *wolawše*, *plakať* ‘плакать’ — ед. ч. *plakawši* (*plakaw*) / мн. ч. *plakawše*.

¹³ Заметим, что данная форма не является чешской, поскольку в позиции после функционально мягких согласных в чешском языке осуществлялась регласовка.

9) форма им. п. существительных с. р. типа *stawańí* (*stawańa*) 'постройка'; основная форма является типичной для трнавских текстов генетически чешской, а вторая отражает характерную для среднесловацкого диалекта омонимию с формой род. п. ед. ч.;

10) нестяженная форма вин. п. ед. ч. притяжательного местоимения *tóg'moj* — *togého*, являющаяся в «Словацкой грамматике» основной и имеющая западнословацкое происхождение, и допустимая среднесловацкая форма *tógho*, указанная в скобках вместе с генетически чешской стяженной формой *mého*.

Лишь единичные формы, в большей степени характерные для среднесловацкого диалекта, выступают в «Словацкой грамматике» как единственно возможные, например форма причастия на *-l* м. р. со вставным гласным *-o-* (*pekol*), либо как основные при допустимых трнавских, как, например, формы прилагательных м. и с. р. с флексией *-ot*, выступающие наряду с соответствующей формой с флексией *-ét* (*na peknom / pekném*).

Таким образом, фонетическую и морфологическую системы, зафиксированные в «Словацкой грамматике» А. Бернолака, следует признать гибридными, поскольку в них сочетаются фонетические и морфологические элементы западнословацкого (юго-западных говоров) и среднесловацкого (северных говоров) диалектов, хотя и с преобладанием генетически западнословацких элементов.

5. Кодификация А. Бернолака и ее реализация на практике

Подобное соотношение, однако, характеризует лишь кодификацию литературного языка. Как показывает анализ текстов, написанных на данном литературном языке, его норма была значительно уже кодификации, поскольку многие языковые элементы, кодифицированные А. Бернолаком, на практике пользователями литературного языка не употреблялись, то есть они оказались за его пределами. Прежде всего это элементы, имеющие среднесловацкое происхождение либо в большей степени характеризующие среднесловацкий диалект, нежели западнословацкий. Причиной тому стало сильное воздействие на кодификацию литературного

языка традиционных текстологических норм, сформировавшихся в инвариантной версии гравского идиома. Слабым звеном кодифицированного А. Бернолаком литературного языка оказались именно периферийные среднесловацкие элементы. Часть из них вообще не проникла в письменные тексты, оставшись лишь элементом кодификации. Это, например, дифтонг *ie* (графически *ge*), который в кодифицированной фонетической системе находится на абсолютной периферии и представлен лишь в формах глаголов *wedeť* 'знать' и *powedeť* 'сказать' *wgem* (*wím*) и *powgem* (*powím*). При этом в указанных примерах формы с дифтонгами были кодифицированы в качестве основных, тогда как у глаголов с основой инфинитива на согласный типа *klasť* 'класть' *kladem* (*kladgem*), *wesť* 'вести' *wedem* (*wedgem*) — лишь в качестве допустимых. Кроме того, дифтонги, наряду с долгими монофтонгами, выступают также в корнях отдельных лексем: *džeta* 'ребенок', *pgesek* 'песок', *džewča* 'девочка'. В бернолаковских же текстах формы с дифтонгом отсутствуют полностью. Ср. примеры:

11) Кодификация: 1-е л. ед. ч. глаголов *wedeť* и *powedeť*: *wgem* (*wím*) и *powgem* (*powím*)

Тексты: *múdrí Lekár wí gích pod istú, potrebnú Meru dáwať Ňemocnému* (Fándly 1793); *Wífe, kam idem* (Klimko 1793); *To wíme, že mnozí sú ščedrí* (Gazda 1798); *Čo Boh zgawil, to wíme s Částki spisaneho* (Habel 1804); *Smutňegša, a w Očách prekrásních Slzmi zalátá, Wénuš takto powí* (Hollý Ján 1828); *I rekel k Ňemu Bóh: i ga wím, že si uprimním Srdcom to učinil* (Palkovič 1829)¹⁴.

Подобные же явления наблюдаются и в области морфологии. В качестве примера приведем формы твор. п. ед. ч. существительных ж. р. с флексией *-oi* (графически *-ow*) и пред. п. прилагательных м. и с. р. с флексией *-ot*:

¹⁴ умный врач знает, в какой определенной, необходимой дозе давать их больному; Вы знаете, куда я иду; Мы знаем, что многие щедры; Мы знаем то, что явил Бог, из части написанного; Печальная, с очами, залитыми слезами, Венера скажет это; И сказал ему Бог: «И я знаю, что ты сделал сие в простоте сердца».

12) Кодификация: *owcú (owcow), palicú (palicow), postelú (postelow)*

Тексты: A Člowek kdiž obrostne s *Tráwu*, kďe gest? (Fiala 1790); uťekagú, len geho *Wóńńi* odrazené (Fándly 1793); winahradí zaisté on tuto Ščedroť našu, ze swogú *Dobroťiwostűi*, ze swogú *Láskú* (Gazda 1798); s *Pokorú* nesmírńég teg Moci bozkég klańáme (Rudnay 1833); strašľiwú *Búrku* na libickí Breh sa priháńá (Hollý Ján 1828); že bude napáganí *Žlcú*, a Octom (Huliak 1828); I padel Abram sklonenú *Twáru* (Palkovič 1829)¹⁵.

13) Кодификация: *peknom (pekném)*

Тексты: na Plechu *olowenném*, nebo Dlátkem wirezené na Kremeňi (Fiala 1790); Našel Kohút w *domácém* Smetľisku drahu Perlu (Fándly 1793); Múdroť tato záleží w *krátkém* Učěńi, a w krátkich Slowách tíchto (Gazda 1798); kterí ge po *celém* Sweťe od dwanať Apoštolow ohlasowaní (Mészáros 1799); Prozretedelnoť bozká we *swetském* Stawe zadržala (Rudnay 1833); Radca potom wzńešenú mal Hodnoť pri Stawe *tagném* (Šimko 1827); Wiplńi sa to wšetko, čo o *budúcém* Súdu predpowedal Kristus Géžiš (Huliak 1828)¹⁶.

Примечательно, что на практике отсутствовало обязательное стремление избавиться от одной из дублетных форм. Это явление было характерно только для конкурирующих кодифицированных западнословацкой и среднесловацкой форм. В случае же кодификации А. Бернолаком западнословацкой и генетически чешской формы в реальных текстах употреблялись обе. Ср., например,

¹⁵ И когда человек обрстет травой, где он оказывается?; они убегают, только отпугнутые его запахом; он заменит эту нашу щедрость своей добросердечностью, своей любовью; мы кланяемся с безграничным смирением этой силе божьей; страшный шторм его прибывает к ливийскому берегу; что их напоят желчь и уксус; И пал Аврам на склоненное лицо свое.

¹⁶ на свинцовом листе или долотом вытесаны на камне; Нашел петух на местной свалке дорогую жемчужину; Мудрость эта заключается в кратком учении и в этих кратких словах; которые по всему свету двенадцатью апостолами оповещены; Дальновидность Господа в светском сословии задержалась; У советника потом был высокий сан в тайном сословии; Исполнится все то, что о будущем суде предсказал Иисус Христос.

употребление в текстах генетически чешской стяженной и западно-словацкой нестяженной форм род. и дат. п. ед. ч. притяжательных местоимений м. и с. р.¹⁷

14) *Кодификация*: род. *mogého* (*mého*), дат. *mogému* (*mému*)

Тексты: Keď w sédmém Blúdeňá swogého Roku po tirhenském Mori ze Sicílie di Wlach sa plawí (Hollý Ján 1828); wolačo na krátko z *mogeho* Čítaňa spomenúť (Fándly 1793); obetowal Dari *swogému* Bratrowi Esauwowi (Gazda 1798); Skór, pozdeg, každí k Cílu *swogému* beží (Šimko 1827); a to w druhég Strance Kázaňi *mého* preukážem (Fiala 1790); Prw ale než pristúpim k *mému* Predsewzeťi, chcem nečo poweďeť na Místo Predmluwi (Mészáros 1799); teg istég Zelini (lebo inšého Léku,) Méno napísal na Tabulku, ze wšeckím Spósobom *swého* Užíwaňa, Uzdraweňa swogég Němoci (Fándly 1793); nemožem opustiť Reč Pána Boha *mého* (Gazda 1798); kďíž toťížto gako nagwišší Biskup naprofi Kostelu, Mestu, a Meščanom tak dobroťiwí, uprímňe spolu, a wíborňe w Prostred Zástupu *swého* obcuwal (Hollý Juraj 1813); kďíž príde w Sláwe *sweg*, a Otca *swého*, a swatích Anđelow (Habel 1804)¹⁸.

Некоторые элементы, кодифицированные Бернолаком, в бернолаковских текстах сначала начинают употребляться, однако в процессе формирования нормы утрачиваются. К их числу относятся, например, формы причастия на *-l* мужского рода со вставным гласным *o* или мягкое *l*. Отметим, что мягкое *l* специфически

¹⁷ Соответствующие типичные среднесловацкие формы, образованные специфически (род. *muojho*, дат. *muojtu*), А. Бернолаком кодифицированы не были и в бернолаковских текстах не фиксируются.

¹⁸ Когда на седьмом году своих блужданий он плывет по Тирренскому морю из итальянской Сицилии...; что-то кратко вспомнить из моего чтения; пожертвовал дары своему брату Эсауву; Рано или поздно каждый прибежит к своему финишу; и на второй странице своей проповеди это покажем; Прежде чем приступить к своему замыслу, я хочу кое-что сказать вместо введения; на табличке он написал название той же самой травы (или другого лекарства) и точный способ ее применения, приведший к излечению его болезни; я не могу послушаться речи Господа Бога моего; когда как верховный архиепископ он был в общении с костелом, городом и горожанами таким добросердечным, искренне и замечательно находясь среди толпы своей; когда он придет в славе своей и отца своего и святых ангелов.

представлено во многих бернолаковских текстах, однако оно не отражает среднесловацкой ситуации, где оно реально является элементом фонетической системы (в западнословацком диалекте оно отсутствует). Более того, норма употребления этого согласного не сформировалась, поскольку оно отсутствует в лексемах, в которых мы ожидали бы его обнаружить, и в то же время выявляется большое количество гиперкорректного употребления этого согласного, то есть в тех позициях, в которых оно в действительности невозможно.

15) *Кодификация: móhol, pomóhol, gedol, húdol, kladol, kradol, matol*

Тексты:

а) *abi s tímto móhol biť ai swému Bližnému na Pomoci (Fándly 1793); Widel si, z gakú Bolestú sa od nás odtrhol (Klimko 1793); anebo aš Lad (Krupi) Oči stlkol, nowe Koreňe sa budowat magú (Bortnický 1814)*¹⁹;

б) *Podwedel Ďábel ponagprwe Ewu (Gazda 1798); abi sem gá mohel osobitňe Dúwodi tego gehu Wernosti predkládať (Mészáros 1799); že Boh zhledeľ na Poňizenosť Ďewki swég (Rudnay 1804); Tuto tak znamenitu Prawdu w upľne Swetlo uwédeľ swatí Gakub Apoštol (Habel 1804); Soft, ked predmenuwani Čas ostideľ, gak Wino žlti, a dokonale gasni zostaňe (Brestanský 1812); Mohel bich toto dosť snadno preukázať (Holý Juraj 1813); sám navrhel to i Král (Šimko 1827); a rékel gím: Poweďfe Gánowi, čo ste sľišaľi, a wideľi (Huliak 1828); Adamowi ale rekel: že si uposlechel Hlas Ženi tweg, a gedel si ze Stromu zapoweďeňého, zlorečená Zem w Práci tweg, z Bolestu gesti budeš s neg, po wšecké Dni Žiwobiťa twého (Palkovič 1829)*²⁰.

¹⁹ чтобы в этом он мог и своему ближнему помочь; Ты видел, с какой болью он от нас оторвался; или когда лед (град) ударил в глаза, новые корни должны формироваться.

²⁰ Подвел дьявол сначала Еву; чтобы я лично мог назвать причины этой его верности; что Бог увидел унижение дочери своей; Эту такую известную правду полностью осветил святой апостол Иаков; Сусло, когда через определенное время остынет, остается желтым, как вино, и совершенно прозрачным; Я бы мог это легко показать; и сам король это предложил; и сказал он им: «Расскажите Иоанну, что вы слышали и видели»; Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей

16) Кодификация: *kráľík, chlieb, kalich, geleň, misel, postel, kúpeľňa*

Тексты:

а) лексикализованное необозначение: *Hyofciamus Bľen, a Mandraĝora, sú ľudskému Pokoleňú nagistéĝsé Otrowi* (Fándly 1793); *Toto Učeňi usiluge sa Neprátel Duši ľudskég, ukoreňit w Srdcách ľudských až po dňes* (Gazda 1798); *Prosím, nech sa žáden neďiwá na Modlitbi, Obeti naše gakšto na negakí geďiňe Nálezek ľudskí* (Mészáros 1799); *wolili oňi radneg wšecky Muki, které sa ľen skrz Ukrutnosť ľudsku wimisleť mohli* (Habel 1804); *takľi že Poňizenosť s takími Wlastnosťami spogená bíwá, které Srdcá ľudské prísňe po sebe táhnú?* (Hollý Juraj 1813); *Eghľe Gazik prestal wimlwní rečňiňi wáceĝ, / Srdce které ľudské Slowmi swogími tešil* (Šimko 1827); *a toto ge taká Prawda, která né z Misľi ľudskég, ale z nesklamaních Ust Božích pochádzá* (Huliak 1828)²¹;

б) гиперкорректное обозначение: *nebo ňeboľo žádného, které bi gim Kameň z Hrobu zwalil'* (Fiala 1790); *osip gu ze wšeckích Strán s téplím Popolom* (Fándly 1793); *zahriwá zastidľi Žalúdek* (Klimko 1793); *O nesľichaná Krista Géžiša Náchilnosť k Duše ľudskég!* (Gazda 1798); *a tuto Moc magú Knaží z Bohom spoločnu, gakšto od neho samého s ňú ozdobení* (Rudnay 1804); *a weselě sa po nebeskég Oblaze preľetuge; nebogí sa Hromu, Streľi* (Mészáros 1799); *Gako Krestani zanechali sťe Modľi pohanské z Drewa, nebo z Kameňa wikresané* (Huliak 1828); *Eneáš tehdi do Hmlí od Matki zaobaľení, spolu z Uchátem do Kartáĝi wstupuge* (Hollý Ján 1828)²².

и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей.

²¹ Белена и мандрагора — самая страшная отравя для рода человеческого; Это учение враг души человеческой до сих пор стремится закрепить в сердцах людей; Пожалуйста, пусть никто не смотрит на молитвы, жертвы наши, как на какое-то особое открытие людей; избрали они лучше все муки, которые только благодаря жестокости людей выдумать могли; Ах, язык перестал произносить речи, которыми он радовал человеческое сердце; и это такая правда, которая восходит не к человеческой мысли, а проистекает из непогрешимых уст божьих.

²² или не было никого, кто бы им камень с могилы отвалил; обсыпь ее со всех сторон теплым пеплом; согревает озябший жалудок;

В конечном итоге у ряда авторов (Brestanský 1812; Bortnický 1814; Palkovič 1829 и в «Книжке молитв и песнопений» (*Knižka Modlacá a Spewacá k duchownému Prospechu katolíckých Kresťanow*) 1851) этот согласный исчезает вовсе. Иными словами, в бернолаковском литературном языке протекал процесс выпадения *l'* из фонетической системы.

Отличия между кодификацией Бернолака и бернолаковским литературным языком могли иметь и иной характер, поскольку изменения последнего в ряде случаев могли вести к расхождению с предшествующей письменной традицией, которая отражала ситуацию в окраинных говорах западнословацкого диалекта и в чешском языке. В бернолаковском же литературном языке появились формы, наиболее распространенные в западнословацком и среднесловацком диалектах. Эти изменения имели характер тенденции, поскольку в полной мере норма их употребления не сложилась, так как бернолаковский литературный язык прекратил свое существование, но они показывают его потенциальное направление развития. К числу таких форм относятся формы им. и вин. п. мн. ч. существительных с. р. с долгими флексиями.

17) Кодификация: *srdca, kurata*

Тексты: Kterí nech rídí Misel, a zapálí *Srdcá* naše; *Ělá* gegích, guž w Hlbokost morskú, guž žiwích w Pokrm *Zwíratám* házali (Fiala 1790)²³.

В более поздних текстах, однако, употребление подобных примеров начинает быстро нарастать, хотя все же не приобретает последовательного характера: *Srdcá* všech, kteří na neho hleděli, za sebú wábil (Hollý Juraj 1813); preto *Srdcá* naše, které si stworil,

О, неслыханная предрасположенность Иисуса Христа к душе человеческой!; и эту силу священники имеют с Богом общую, так как они ей украшены им самим; и весело по небесводу он летает, не боится ни грома, ни стрелы; Став христианами, забросили вы языческих идолов, из дерева или из камня вытесанных; Тогда Эней, окутанный матерью туманом, вместе с Ухатом входит в Карфаген.

²³ Которые пусть направляют мысль и зажигают сердца наши; Тела их уже бросали в глубины морские и живьем их кидали на корм зверям.

obmekči (Huliak 1828); I podvrátil tí *Mestá*, i celu Kraginu wúkol (Palkovič 1829); Zapál *Srdcá* naše z Ohňom Láski twégl! (Radlinský 1843)²⁴.

Не нашла отражения в бернолаковских текстах также «ложная» кодификация, которая не имеет опоры ни в одном из словацких диалектов, ни в предшествующей письменной традиции, ни в чешском языке. В качестве примера можно привести краткость гласного во флексии вин. п. ед. ч. прилагательных ж. р.

Падеж	млм Зсл. диалект	Чешский язык	Срсл. диалект	Бернолак
Вин. ед. ч.	<i>pekńú</i>	<i>pěknou</i>	<i>pekńú</i>	<i>peknu</i>
Твор. ед. ч.	<i>pekńú</i>	<i>pěknou</i>	<i>peknou</i>	<i>pekńú</i>

Как видно из таблицы, оппозиция вин. и пред. п. ед. ч. прилагательных ж. р. реально представлена в среднесловацком диалекте, однако форма твор. п. формально совпадает с соответствующей чешской формой. Стремясь сохранить, с одной стороны, среднесловацкую оппозицию, а с другой — западнословацкую форму с флексией *-ú*, А. Бернолак конструирует искусственную оппозицию, реально не представленную ни в одном идиоме. Это действие, однако, не способствовало формированию нормы литературного языка. В текстах, написанных на бернолаковском литературном языке, обнаруживается полный разнобой, так как одни авторы следуют за рекомендациями кодификатора, другие употребляют реальные формы наряду с кодифицированными, а третьи отдают предпочтение реальным формам.

18) Кодификация: *peknu*

Тексты:

a) Láska, Wážnosť, Wďečnosť naproti nemu túto *dňešnu* Službu *bozku* za neho urídila (Mészáros 1799); Twár mal *bľedu* (Klimko 1793); kterého dňes *ročitu* Památku ze slawnú Nábožnosťú ctíme (Hollý Juraj 1813); Ti si Otcí twému nebeskému skrz swatí a obťižni Žiwot twog *nagwatssu* Obetu učiňil (Knižka Modlacá 1851)²⁵;

²⁴ Сердца всех, кто на него смотрел, он манил за собой; поэтому сердца наши, которые ты создал, смягчи; И разорил эти города и всю страну вокруг; Зажги сердца наши огнем своей любви!

²⁵ Любовь, уважение, благодарность ему провели за него сегодняшнее богослужение; Его лицо было бледным; юбилей которого мы сегодня

б) mohol bi mať u seba *malu potrebnú* Apotéku ze Zeľínek, z Wodek *priprawenu* (Fándly 1793) — máwá pri tom *peknú* Barwu (Fándly 1793); nagznamenutegší Muži, ktorí sa pre *swogu wíbornu* Učenosť Filozofi naziwáli (Habel 1804) — Hlawná a nagwiššá Pričina, pre *kterú* Rozum náš Wíre poddať musíme... (Habel 1804); A bude Duha na Oblakoch, a uwidím gú, i rozpomenem sa na Zmlúwu *wečnu*, ktorá učinea gest medzi Bohem, a *každu* Dušu *žiwú* wšelikého Ĺela, které gest na Zemi (Palkovič 1829)²⁶.

в) a tak Dušu na Obras Božskí *stworenú* z Prewiňením raňime (Fiala 1790); Od něho dostáwal *potrebnú* Náuku každí (Šimko 1827); Na túto ale Otázku milí náš Wikupitel nedal *rownú* Odpowedź Poslom (Huliak 1828); Gestlibi tak řečiňil, More ag Zem i Wišku bi *hwezdnu* Strhli (Hollý Ján 1828); O! Kdokolwek si, který toto predhadzugesť, zgawugesť *welíku* Neumelosť, a Neznámosť we Wecách sw. Náboženstwa! (Radlinský 1843)²⁷.

Другим примером «ложной кодификации» является рекомендация А. Бернолака употреблять формы твор. п. мн. ч. абсолютно всех существительных с флексией *-mi* без учета их родовой принадлежности и возникновения труднопроизносимых сочетаний согласных на стыке морфем. Особенно необычными воспринимаются подобные формы существительных женского и среднего

чтим с известной набожностью; Ты Отцу своему небесному святой и тяжелой жизнью принес самую большую жертву.

²⁶ он бы мог иметь у себя небольшую необходимую аптеку, приготовленную из трав, из настоек — имеет он при этом красивый цвет; самые известные мужи, которых из-за их превосходной учености философиями называли — Главный и самый высокий довод, из-за которого наш разум должен подчиниться вере...; И будет радуга в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле.

²⁷ и так мы душу, созданную по образу Бога, извиняясь, раним; От него все получали необходимую науку; На этот же вопрос дорогой наш искупитель не дал прямого ответа посланцам; Если бы он так не поступал, море и землю и звездную высоту сорвали бы; О! Кто бы ты ни был, если ты это демонстрируешь, ты показываешь отсутствие умения и неосведомленность в делах святой религии!

рода. Подобные формы, однако, иногда фиксируются у Я. Голлого и очень редко у других авторов. Ср. примеры:

19) *Кодификация: dubmi, sluhmi, osobmi, čnosťmi, stawaňmi, kuratmi, srdcmi — owcami*

Тексты: Záhubná wťiská Woda, a Ščerbinmi nabirá; Wčil wšak Ňesčastí metaních toľkími to isté Bídmi hoňi; Wčil blúďime, Wetrem dohnatí sem a Wlnmi krutími; Rozťáhlé sa točí More, a Krag Wodmi zaľewá (Hollý Ján 1828); čo i sw. Pawel swedčí s tímíto Slowmi (Hollý Juraj 1813); K Cílu gu pozbuzowal Slowmi i Darmi (Šimko 1827); Pripog sa i ti k ňemu Srdcom i Ustmi (Knižka Modlacá 1851)²⁸.

И в этом случае также не складывается норма, поскольку авторы употребляют формы с самыми разнообразными флексиями, включая флексию бывших основ на *ě*. Ср. формы существительных м. р.:

Áloe Každí Děň Prigaté, opatruge Čloweka, a zachraňuge pred mnohími Ňeduhi (Fándly 1793); na Prawici Welebností nekonečného Otca, a nad Cherubíni sedí Král Nebe (Rudnay 1804); kteří ge mnohími Dřiwmi, a Zázrakmi potwrdení (Mészáros 1799); tak téš táto istá swatá Wíra, která oni i Skutkámi preukazowali, gích ohlasowat bude pred Súdom Božím (Huliak 1828); Místo ge zestraňené; Prístaw sa od Ostrowa Bokma Náprotiwíma číňi Záweg (Hollý Ján 1828)²⁹.

²⁸ Прибывает губительная вода и заполняет трещины; одновременно несчастье стольким бедам подвергает метающихся; теперь мы блуждаем, пригнанные сюда ветром и жестокими волнами; разбушевавшееся море заливает край водой; о чем свидетельствует и св. Павел, произнося эти слова; Ободрял ее словами и дарами двигаться к цели; И ты присоединяйся к нему сердцем и устами.

²⁹ Алоэ, принимаемое каждый день, оберегает человека и защищает от многих недугов; с правой стороны от его Величества безграничного отца и над херувимами сидит Царь небесный; который многими дивами и чудесами подтвержден; также и та же самая святая вера, которую они подтверждали деяниями, будет их представлять перед Судом Божиим; Место находится в стороне; порт с противоположными островами берегами образует заносы.

6. Заключение

Итак, сопоставительный анализ кодификации А. Бернолака и языка текстов, написанных на бернолаковщине, показывает, что кодификация и бернолаковский литературный язык не тождественны друг другу. Кодификация А. Бернолака под воздействием традиционных текстологических норм, сформировавшихся в Трнаве — центре формирования добернолаковской письменной традиции, подверглась существенным изменениям уже при переходе из теоретической плоскости в практическую, утратив целый ряд элементов. В процессе функционирования возникшего на основе кодификации бернолаковского литературного языка продолжалось его изменение, выразившееся в утрате или модификации ряда кодифицированных элементов и проникновении элементов новых. При этом произошедшие изменения сводились к вытеснению кодифицированных локальных в предшествующей письменной традиции элементов, характеризовавших в большей степени говоры среднесловацкого региона, элементами, характерными для текстов, созданных в трнавском центре. Вследствие этого существенно усилился западнословацкий характер литературного языка. Примечательно, что кодификация, в отличие от кодификаций современных литературных языков, не являлась отражением существующих норм литературного языка, а стала отправной точкой их формирования, причем авторы-бернолаковцы по сути не приняли значительную часть ключевых элементов кодификации, однако сама она сыграла консолидирующую роль в формировании других норм. Иными словами, А. Бернолак, предлагая в качестве нормы одни элементы, способствовал закреплению в качестве таковых других элементов. В тех же случаях, когда кодификация оказалась «ложной», нормы литературного языка не сформировались.

Литература

- Шведова 1974 — *Шведова Н. Ю.* Нормативная грамматика // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 18. С. 132.
- Bajza 1783; 1785 — *Bajza J. I.* René Mládenca Príhodi, a Skusenosti. W Prespurku I. diel 1783, II. diel 1785.
- Bernolák 1787/1964 и 1790/1964 — *Bernolák A.* Grammatica slavica // Gramatické dielo Antona Bernoláka / Pod red. J. Pavelek. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964, S. 114–424.
- Chomová 2016 — *Chomová A.* Vybrané kapitoly z dejín spisovnej slovenčiny od 15. storočia. Banská Bystrica: Bellianum. Univerzita Mateja Bela, Filozofická fakulta, 2016.
- Doleschalius 1746 — *Doleschalius P.* Grammatica Slavico-Bohemica. A Posonii 1746.
- Ďurovič 2000 — *Ďurovič L.* Pavel Doležal a jeho Grammatica Slavico-Bohemica (Pri trojstom výročí narodenia: 1700–2000) // Slovenská reč. 2000. 65, č. 1. S. 22–32.
- Habovštiaková 1968 — *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1968.
- Hinkel 2016 — *Hinkel E.* Descriptive versus prescriptive grammar // TESOL Encyclopedia of English Language Teaching / Ed. by H. Nassaji. Wiley, 2016 / (URL: <http://www.elihinkel.org/downloads/Descriptive%20v%20Prescriptive.pdf>) — 05.07.2019.)
- Kotulič 1992 — *Kotulič I.* Bernolákovčina a predbernoľákovská kultúrna slovenčina // Pamätnica Antona Bernoláka / Pod red. J. Chovan. Martin: Matica slovenská, 1992. S. 79–90.
- Lifanov 2002 — *Lifanov K.* Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia // Slovenská reč. 2002. 67, č. 1. S. 19–29.
- Masnicius 1696 — *Masnicius Tobias.* Zpráva pjsma slowenského, gak se ma dobře psati, čisti, y tisknauti. W Lewočy, 1696.
- Pauliny 1964 — *Pauliny E.* Úvod // Gramatické dielo Antona Bernoláka / Pod red. J. Pavelek. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. S. 5–10.

- tehoto Sweta Blázňiwost ge u Boha. Z Rozkazu, a Nákladem Oswíteneho Pána Pána Frančiška Xav. Fuchs z Milosrdenstwi Božího Biskupa Nitranského, widané, a z nemeckého na slowenski gazik prenesené skrz Frančiška Xav. Habel, Farára Teplanského, V. A. Diacona Trenčanského. Prwná Stránka O Wíre. W Trnawe Witlačené u Wáclawa Geřínka privil. Kňihtlačára, 1804.
- Hollý Ján 1828 — *Hollý Ján*. Wirgiliowa Eneida od Gana Hollého. Witlačená u G. K. Gelinka, 1828.
- Hollý Juraj 1813 — *Hollý Juraj*. Zaslužená Sláwa swatého Gozefa Kalazancia od Matki Božeg, zakladatela Škol Pobožních chudobních w Chráme božkém Trenčanském škól Pobožních Roku M. DCCC. XIII predložená skrz Holli Gura hlawného Kostela Nitranského Kanowníka, Vice-Archi-Diakona a Farára Westenského. W Trnawe, witlačená u Wáclawa Gelinka, 1813.
- Huliak 1828 — *Huliak Jozef*. Celoročné Nedelné Kázňe, které z francúzských znameňitích Kazatelow ňekdi boli witáhnuté, a w uherskég Reči podla nedelních Ewandelí zřidené, wčil ale z uherského na slowenski Gazik sú preložené skrz Gozefa Hulyák, Kaplána Šaščínského. Děł prwní. W Trnawe, witlačené u Gána Křst. Gelinka, 1828.
- Klimko 1793 — *Klimko Michal*. Krizant a Daria, to gest: werní swég Wíre, a swému Bohu Křšťan. Smutná hra, w pátích Zmluwách predložená. W Trnawe, u Wáclawa Geřínka, mestského Kňihtlačára, 1793.
- Knižka Modlacá 1851 — Knižka Modlacá a Spewacá k duchownému Prospechu katolickích Křšťanow. W Pessti Ĺiskom A. Müller na Frantířskánském Placi Nr. 411, 1851.
- Mészáros 1799 — *Mészáros Ondrej*. Památka w Požehnání Geho Excel. Oswíteneho nekdi Pána Grófa Illésházy Gána Křšťítela od Illesházy, Zámku, a Pánstwi Trenčanského Urečitého Pána, Sláwních Stolic Trenčanskég, a Liptowskég Hlawného Urečitého Išpána, Geho Gasností Císarskég Král. Apoštolskég Komorníka, Nagwiššég Radi tagnég Kráľowskég skutečného tagného Radca, pri Příležitosti Sláwních Exequii od sláwnég Stolic Trenčanskég urídéních, a Dňe 10. Čerwenca w Chráme božkém trenčanském fárském Roku 1799. držáních. Obnowená skrz Mészáros Ondrega hlawného Kostela Nitranského Kapitulníka, dubníckého Farára, a w sláwnég Stolic Trenčanskég Biskupskégo obecného Deputáta. W Trnawe, Witlačená u Wáclawa Geřínka Kňihtlačára, 1799.

- Palkovič 1829 — *Palkovič Juraj*. Swaté Písmo starého i nowého Zákona podla obecneho latinského, od sw. Rímsko-Katolíckég Cirkwi potwrdeného, preložené s Prirownáním ģruntowného Tekstu, na Swetlo widané. Děł prwní. Leta Pána 1829. W Ostrihome, wítlacené z Litterámi Jozefa Beimela, Cis. Kral. Priv. Primatiálského Kńíhtlačára, 1829.
- Radlinský 1843 — *Radlinský Andrej*. Kázeň o swatích Pútoch aneb: Srdečni Pastirstwi hlas na Cítelow sw. Pútow, a gegich Znewažitelow, ze wšestraním Pohledom na Bansko-Štawnńickú Kalwáriu, která po Čas Pobožnosti Kalwárskég na Sláwnost Powíšeňá swatého Kříža powedal na wišemenowanég Kalwáriu Roku 1843 Ondr. Ludw. Radlinszky, Kaplan Bansko-Štawnńickég Kalwárie. W Banské Štawnnici Písmem Františka Lorbera, 1843.
- Rudnay 1804 — *Rudnay Alexander*. Kázeň na Slawné Primiete Madacs Josefa nowo=poswatého Knaza Arci=Biskupstwí Ostrihomského k duchownému Prospechu w Bognanském Chráme Páňe držaná skrz Rudnay Sandora DE EADEM, ET DIVÉK-UJFALU Swatého bozkého Umeňi Učítela, Wídeku Welko=Topolčanského V. Archi-Diacona, a Farára Krušowského. Dňe 2. Sept. R. P. 1804. W Trnawe, Witlacená u Wáclawa Gelínka priv. Kńíhtlač, 1804.
- Rudnay 1833 — *Rudnay Alexander*. Kázne prihodné ai iné, to gest: 82 Rečí duchowních, od nebohého Arcibiskupa Ostrihomského w Krušowcáh nekdi predneseních, a wlastnú Rukú spisaních. W Trnawe, wítlacené u Gána Krst. Gelínka, 1833.
- Šimko 1827 — *Šimko Adalbert*. Lutohrádki, které s Príležitostí Smrti Nagwíborňegšího, a Dustogñewelebniho Pána Gozefa Kluch, Biskupa Nitránského, Geho Cisarškég, a Králowsko=Apoštolskég Gasnosti Skutečného Tagného, aneb Stawu Radca, zložil P. Adalbert Šimko, z Rádu G. Franc. w Kragi B. P. Marii Kňaz. W Trnawe, Witlacené u Gána Gelínka, 1827.

Константин В. Лифанов: lifanov@hotmail.com